

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФИСКАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ, МОБИЛИЗАЦИИ РАСХОДОВ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

DOI: <https://doi.org/10.24891/gopdgg>EDN: <https://elibrary.ru/gopdgg>

Дарья Александровна ПЕРАТИНСКАЯ

аспирант кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей
им. Н.Н. Ливенцева, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

e-mail: peratinskayad@gmail.com

ORCID: 0009-0007-0201-5475

SPIN: 1039-5608

История статьи:

Рег. № 97/2026

Получена 02.02.2026

Одобрена 20.02.2026

Доступна онлайн

29.06.2026

Специальность: 5.2.5**УДК** 336.02**JEL:** F14, H87, O2

Ключевые слова:

Россия,
государственные
финансы, федеральный
бюджет, расходы,
внешнеэкономические
обязательства

Аннотация

Предмет. Трансформация бюджетной политики России в условиях внешне-экономических шоков, санкционного давления и структурных сдвигов во внешней торговле.

Цели. Выявление механизмов адаптации бюджетной политики РФ к новым условиям, определение факторов, влияющих на перераспределение доходных и расходных приоритетов, а также анализ фискальных рисков, возникающих вследствие изменения структуры экспорта, мобилизационного смещения расходов и увеличения внешнеэкономических обязательств.

Методология. Применен комплекс методов, включающий структурный и ретроспективный анализ, методы системного подхода, сравнительный анализ. Использованы аналитические методы, а также экономическая интерпретация и синтез.

Результаты. Установлено, что в 2022–2025 гг. бюджетная система РФ проходила фазу адаптации к внешним ограничениям, выраженных в снижении доли нефтегазовых доходов и резком увеличении внутренних налогов, прежде всего НДС. Структура государственных расходов смещается в сторону административных и оборонных целей, а совокупные инвестиции в человеческий капитал остаются ниже четверти общих ассигнований. Показано, что система внешнеэкономических обязательств формирует отрицательный баланс, что усиливает нагрузку на фискальную систему и обуславливает потребность в более жесткой приоритизации расходной политики.

Выводы. Бюджетная политика РФ формируется на пересечении двух разнонаправленных векторов – фискальной консолидации и мобилизационного расширения расходов, что требует поиска баланса между внутренними экономическими приоритетами и внешнеполитическими задачами. В условиях сокращения экспортных поступлений, роста геополитической напряженности и внешнеэкономических обязательств устойчивость бюджетной системы предопределяется эффективностью налоговой модернизации, способностью экономики адаптироваться к снижению сырьевой ренты и выстраиванием более рациональной архитектуры международных финансовых отношений.

Для цитирования: Ператинская Д.А. Бюджетная политика России в контексте фискальной консолидации, мобилизации расходов и внешнеэкономических обязательств // Финансы и кредит. – 2026. – № 6. – С. 212 – 227. DOI: 10.24891/gopdgq EDN: GOPDGQ

В современных условиях бюджетная политика подтвердила свое положение как одного из важнейших инструментов в рамках обеспечения макроэкономической устойчивости и адаптации экономики стран к внешним шокам. В контексте российской экономики этот аспект все больше актуализируется на фоне продолжающегося санкционного давления, сопровождающегося серьезной трансформацией внешнеэкономических связей и масштабными структурными сдвигами во внешней торговле. На фоне ограниченного доступа к международным финансовым рынкам и сужения экспортной базы вследствие торговых рестрикций бюджетная политика выступает в качестве стабилизирующего элемента, как поддерживающего внутренний спрос, так и компенсирующего снижение доходов от внешнеэкономической деятельности (до 18% в 2024 г. против 27% в 2021 г.)¹.

Согласно отчету МВФ World Economic Outlook, темпы прироста развитых и развивающихся стран начинают сближаться на фоне общего замедления, чему сопутствует усиление нагрузки на государственные финансы в рамках расходной компоненты². Для России данный процесс сопровождается выраженным перераспределением бюджетных приоритетов: краткосрочное увеличение ВВП на 4,3% в 2024 г. было обусловлено высокой концентрацией расходов федерального бюджета в IV квартале, что позволило стимулировать совокупный спрос и компенсировать падение инвестиционной активности. При этом уже по итогам 2025 г. ожидается замедление темпов прироста экономики РФ до 0,6%, что отражает ослабление эффекта бюджетного стимулирования на фоне роста инфляционного давления и увеличения долговой нагрузки. Таким образом, бюджетная политика РФ вступает в фазу активной консолидации, предполагающей укрепление доходной базы за счет повышения налогов, а также расширения сферы администрирования. Соответственно, современная модель бюджетного регулирования РФ преимущественно направлена на достижение внутреннего равновесия между необходимостью финансирования растущих обязательств и ограниченными возможностями привлечения ресурсов, что формирует новую парадигму фискальной политики, направленную как на расширение расходной составляющей, так и на повышение ее эффективности, транспарентности и управляемости.

Структурные сдвиги во внешней торговле РФ создают значительные риски для устойчивости бюджетной системы страны: сокращение поставок топливно-энергетического сырья в Европу и переориентация экспорта на азиатские и ближневосточные направления сопровождаются падением валютной выручки и волатильностью доходов, что подтверждается статистически [1]. По данным ФТС РФ, общий объем экспорта РФ к 2024 г. сократился на 12% до 434 млрд долл. США против 493 млрд долл. США в 2021 г. Согласно более детализированной информации, предоставляемой Bruegel, общий объем экспорта из России в ЕС к 2024 г. снизился на 80% по сравнению с 2021 г., в Китай – увеличился на 64% за аналогичный промежуток времени³. Однако данный сдвиг в пользу Китая не компенсировал сокращение поставок по европейскому направлению: если в 2021 г. совокупный экспорт по указанным направлениям обеспечивал 271 млрд долл. США, то к 2024 г. рассматриваемый

¹ Краткая ежегодная информация об исполнении федерального бюджета (млрд руб.) // Министерство финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80041-kratkaya_ezhagodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd_rub

² Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim. International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025>

³ Russian foreign trade tracker. Bruegel. URL: <https://www.bruegel.org/dataset/russian-foreign-trade-tracker>

показатель сократился до 167 млрд долл. США, или на 38%. Энергетический экспорт, в свою очередь, демонстрирует менее яркое сокращение, так как в 2021 г. совокупные поставки из РФ в страны ЕС и КНР составляли 172 млрд долл. США, а к 2024 г. они сократились до 118 млрд долл. США, или на 32%. Несмотря на значительную переориентацию торговых направлений, нефтегазовые доходы остаются одним из важнейших источников пополнения федерального бюджета и формируют значительную часть общих поступлений (в 2000–2021 гг. около 40%), однако их доля на фоне глобальной трансформации мирохозяйственных связей к 2024 г. сократилась до 30% против 35% в 2021 г.⁴, что отражает постепенное изменение пропорций между сырьевыми и несырьевыми поступлениями.

В указанных условиях эффективность бюджетного регулирования во многом зависит от динамики внешнеторговых потоков, которые напрямую определяют устойчивость доходной базы РФ [2]. Соответственно, изменение экспортной структуры и географических приоритетов торговли РФ становится не только экономическим, но и фискальным фактором, непосредственно влияющим на объем и стабильность бюджетных поступлений. В результате указанные изменения оказывают комплексное воздействие на доходную часть бюджета в рамках роста фискальной нагрузки на внутренний рынок в целях компенсации выпадающих экспортных поступлений. В частности, усиливается значение поступлений, связанных с внутренним производством, которые снижают зависимость федерального бюджета от внешнеэкономической конъюнктуры [3].

Вместе с тем общий объем доходов федерального бюджета РФ увеличился с 25,3 трлн руб. в 2021 г. до 36,7 трлн руб. в 2024 г., то есть, на 45%, что является следствием как инфляционного фактора, так и повышения эффективности налогового администрирования. При этом нефтегазовые доходы, несмотря на восстановление после падения в 2023 г., не демонстрируют существенной положительной динамики, поскольку их объем в 2024 г. составил 11,1 трлн руб., что лишь на 4% ниже исторического максимума 2022 г., но на 23% выше показателя 2021 г. На этом фоне контрастирует динамика ненефтегазовых поступлений, которые растут достаточно стремительными темпами: с 16,2 трлн руб. в 2021 г. до 25,6 трлн в 2024 г. (+57,6%), что констатирует факт смещения вектора бюджетной политики в сторону усиления внутренней фискальной базы. Наиболее устойчивым драйвером роста внутри ненефтегазовых доходов остается НДС, увеличение которого за период 2021–2024 гг. составило 59% [4]. Налог на прибыль и акцизы также демонстрируют положительную динамику, их рост составил +47 и 24% соответственно.

Данные за первую половину 2025 г. свидетельствуют о стабильной динамике поступлений, поскольку совокупные доходы за январь–июль 2025 г. достигли 17,6 трлн руб., что на 3% выше уровня аналогичного периода 2024 г. При этом устойчивость поступлений формируется за счет доходов, генерируемых несырьевыми секторами (+13%), в то время как нефтегазовые поступления сократились в абсолютном значении на 17%, что дополнительно снизило их долю в общей структуре ко II кв. 2025 г. до 27% против 33% во II кв. 2024 г. Таким образом, если в 2021 г. федеральный бюджет РФ в значительной степени зависел от сырьевого сектора, то к 2024–2025 гг. формируется новая конфигурация налоговых поступлений, в которой внутренние источники становятся опорой бюджетной устойчивости [5]. Однако данная тенденция сопровождается увеличением налоговой нагрузки, а также изменением структуры доходов в пользу косвенных налогов, что свидетельствует о нивелировании потерь от внешних поступлений за счет внутренних источников.

⁴ Краткая информация об исполнении федерального бюджета // Министерство финансов РФ.
URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/>

В настоящий момент РФ переходит к политике налоговой консолидации, предполагающей укрепление доходной базы и обеспечение предсказуемости бюджетных потоков. Ключевым элементом данной политики стало принятие проекта поправок в Налоговый кодекс, что отражено в Федеральном законе от 28.11.2025 № 425-ФЗ. Закон предусматривает повышение базовой ставки НДС с 20 до 22%, а также расширение налоговой базы за счет снижения порога применения упрощенной системы налогообложения (с 60 до 10 млн руб. к 2028 г.) и сокращения перечня необлагаемых операций, в частности, передачу исключительных прав на российские программы для ЭВМ и базы данных, а также обслуживание банковских карт [6].

Согласно оценкам Минфина России, совокупный эффект от повышения НДС может обеспечить дополнительные поступления в размере 4,4 трлн руб. в 2026–2028 гг., из которых 1,2 трлн руб. – в 2026 г., 1,5 трлн руб. – в 2027 г. и 1,7 трлн руб. – в 2028 г. Если исходить из фактических показателей 2024 г., когда внутренний НДС обеспечивал 8,7 трлн руб., или 23,8% общих доходов, то пропорциональная оценка эффекта увеличения ставки на 2% генерирует прирост поступлений на 873 млрд руб., или 10% ежегодно. При этом реальный эффект ожидается выше за счет расширения налоговой базы, устранения необоснованных льгот и усиления администрирования. Таким образом, повышение ставки НДС становится центральным элементом налоговой консолидации, что позволяет компенсировать снижение нефтегазовых доходов и частично нивелировать дефицит бюджета без активного наращивания и внутренних, и внешних заимствований. Однако смещение акцента в пользу косвенных налогов имеет регрессивный характер, поскольку возрастает вероятность усиления инфляционного давления и снижения располагаемых доходов в условиях общего роста цен и высокой ключевой ставки.

Денежно-кредитная и бюджетная политика в РФ находятся в достаточно тесной зависимости, потому что размер ключевой ставки напрямую влияет на стоимость государственных заимствований, динамику налоговых поступлений и уровень инвестиционной активности. После периода резкого ужесточения монетарной политики в 2024 г., когда ключевая ставка достигла 21%⁵, эффект от ее постепенного снижения до 16,5% во второй половине 2025 г. остается противоречивым. Во-первых, сам факт снижения ключевой ставки нельзя считать существенным, поскольку даже при уровне в 16,5% стоимость заимствований для государства, бизнеса и населения остается достаточно высокой, следствием чего выступает ограниченная инвестиционная активность. Во-вторых, при ослаблении монетарной политики сохраняются риски усиления оттока капитала и давления на национальную валюту, так как сокращение процентных ставок снижает привлекательность рублевых активов для инвесторов. В условиях ограниченного доступа РФ к международным рынкам капитала и санкционных ограничений приток иностранной валюты в страну снижается, и, как следствие, валютная ликвидность сокращается, что делает рубль более уязвимым к спекулятивным колебаниям и усиливает курсовую нестабильность. Тем не менее Банк России активно задействует механизм зеркалирования, компенсируя операции Министерства финансов РФ эквивалентной покупкой и продажей валюты и золота, что частично сглаживает курсовое давление, но не препятствует ослаблению рубля, удерживавшегося в диапазоне 77–100 руб. за доллар США в течение 2025 г.⁶

В то же время для федерального бюджета ослабление монетарной политики означает уменьшение расходов на обслуживание госдолга, особенно по вновь эмитируемым облига-

⁵ Ключевая ставка Банка России // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/

⁶ ЦБ РФ частично совершает операции зеркалирования путем купли-продажи золота // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/1058801>

циям федерального займа (ОФЗ)⁷. В среднесрочной перспективе подобная корректировка может позволить получить дополнительное бюджетное пространство для финансирования приоритетных расходов без увеличения долговой нагрузки [7]. Хотя снижение ключевой ставки традиционно рассматривается как инструмент привлечения частных инвестиций, поэтому удешевление кредитных ресурсов может повышать доступность заимствований для бизнеса и оживлять его деловую активность [8]. Однако в реалиях российской экономики данный эффект может проявляться достаточно слабо, потому что при сохраняющейся инфляции на уровне 8–9%⁸ реальная процентная ставка стремится к нулю, что ставит под сомнение целесообразность и привлекательность долгосрочных вложений. Таким образом, смягчение монетарной политики в современных условиях выполняет преимущественно стабилизирующую, а не стимулирующую функцию и не создает предпосылок для роста и структурной модернизации экономики страны. Более того, при одновременном повышении налоговой нагрузки, преимущественно за счет увеличения НДС, совокупный эффект для экономики может быть двойственным: сокращение потребительского спроса и рост цен способны частично нейтрализовать эффект от смягчения монетарной политики. Следовательно, фискальное ужесточение и монетарное смягчение формируют разнонаправленные стимулы.

Эволюция расходов федерального бюджета РФ в 2000–2023 гг. демонстрирует последовательный переход от фискальной сдержанности к более активной бюджетно-налоговой политике, что подтверждается данными, представленными на *рис. 1*. В указанный период доля государственных расходов в ВВП РФ варьировалась в диапазоне 13–25%, что существенно ниже показателей, присущих развитым экономикам (38–47%) и достаточно близко к наименее развитым странам (17–19%). В отличие от развитых стран, в которых высокий уровень государственных обязательств поддерживается стабильными институтами социального обеспечения и организованной системой перераспределения доходов, бюджетная система РФ характеризуется более волатильной динамикой расходов, отражающей адаптацию фискальной политики к внешнеэкономическим и геополитическим рискам.

В 2000-е гг. доля государственных расходов в ВВП РФ была на своих минимальных значениях за рассматриваемый период, а именно около 13%, что являлось следствием макроэкономической стабилизации после кризиса 1998 г. При этом уже к 2008 г. рассматриваемый показатель увеличился до 18% ВВП в связи с ростом государственных инвестиций и социальных расходов в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры [9]. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. ознаменовал собой переломный момент, поскольку для поддержания экономики в целом, банковского сектора и ключевых отраслей государство резко увеличило бюджетные расходы, и их доля достигла 25% ВВП, то есть произошел временный отказ от политики бюджетной консолидации.

В 2010–2019 гг. РФ поэтапно возвращалась к умеренной модели бюджетной политики – расходы стабилизировались в диапазоне 18–20% ВВП. Введение нового бюджетного правила в свою очередь позволило сократить зависимость от цен на энергоносители и обеспечить относительно устойчивый приток федеральных доходов. С 2020 г. в связи с распространением пандемии COVID-19 и, как следствие, рецессией, началось масштабное расширение бюджетных расходов, направленных на поддержку экономики, сохранение общего

⁷ Исполнение федерального бюджета в 2025 году: есть ли риски бюджетной устойчивости? // Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара.
URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2025-6-1394.pdf>

⁸ Ключевая ставка Банка России // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/

уровня занятости и стабилизацию внутреннего спроса, что связано с масштабной государственной поддержкой стратегических отраслей и населения [10].

После 2022 г. наблюдаемая тенденция трансформировалась и приобрела устойчивый мобилизационный характер. В условиях ужесточения внешнеэкономического давления государственные расходы стали выполнять не только стабилизирующую, но и ярко выраженную геополитическую функцию. В структуре федерального бюджета увеличилась доля оборонных и инфраструктурных расходов, направленных на обеспечение технологического суверенитета, развитие импортозамещения и укрепление международного сотрудничества в рамках развития партнерства с альтернативными экономическими центрами силы [11], что на практике проявляется в активной переориентации товарных потоков РФ на новые направления, среди которых наибольшую динамику объемов экспорта в 2024 г. против 2021 г. демонстрируют Индия (+690%), Бразилия (+92%), Китай (+64%), Турция (+52%) и Казахстан (+4%).

Более детальный анализ государственных расходов приводит к следующему: в период 2010–2021 гг. по структуре расходов РФ занимала промежуточную позицию между развивающимися и наименее развитыми экономиками, но с более выраженным специфическими чертами (см. *рис. 2*). На фоне развитых экономик, в которых в совокупности так называемые социальные статьи (образование – 12,7%, здравоохранение – 19,4% и социальная политика – 32,7%) составляют более 60% всех расходов, аналогичный показатель в РФ не превышает 45% [12]. При этом доля расходов на оборону (14,8%) и общегосударственные вопросы (14,3%) существенно выше средних значений по миру (около 10%), что указывает на ярко выраженное внимание к мобилизационно-административному направлению.

В период 2010–2021 гг., который можно охарактеризовать как относительно стабильный с позиции геополитических и внешнеэкономических условий, структура государственных финансов РФ уже демонстрировала существенную специфику: при сохранении умеренных оборонных рисков и устойчивых внешних связей доля военных и административных расходов оставалась непропорционально высокой, в абсолютных значениях данные категории обязательств демонстрировали устойчивый прирост в среднем на 11 и 7% в год соответственно [13]. Следовательно, приоритет мобилизационных и административных направлений был встроен в архитектуру бюджетной политики РФ задолго до обострения внешнеполитической ситуации и отражал стратегическую ориентацию государства на обеспечение безопасности и контроля даже в периоды относительной макроэкономической стабильности.

Данные, представленные на *рис. 3*, подтверждают структурную асимметрию расходов федерального бюджета РФ. Почти треть всех бюджетных средств распределяется в пользу такой статьи, как национальная оборона, а именно 29,3%, в то же время на социальную политику выделяется 16,1%, здравоохранение – 4,3%, образование – 4%. Соответственно, совокупные расходы на человеческий капитал составляют менее четверти федерального бюджета (24,4%), тогда как оборонный, силовой и административный блоки аккумулируют около половины всех средств (44%). Подобная структура указывает на устойчивое смещение приоритетов от инвестиций в долгосрочный рост к финансированию текущей геополитической повестки, поскольку расходы на национальную экономику предусматриваются лишь только в районе 11%.

В контексте выявленной структурной асимметрии расходов федерального бюджета РФ закономерно актуализируется вопрос о внутренних компенсаторных механизмах, позволяющих нивелировать долгосрочные риски для экономического развития страны. Ключевым

механизмом в данных условиях выступает конверсия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), приобретающая стратегическое значение. Поскольку экономика демонстрирует отчетливый мобилизационный уклон, ее устойчивость и потенциал роста напрямую зависят от способности трансформировать военные производственные мощности в гражданские, чтобы тем самым создавать новые источники доходов и налоговых поступлений, что снижает фискальную нагрузку на бюджет и компенсирует сокращение социальных инвестиций [14].

Экономическая логика конверсии в условиях нарастания геополитических шоков достаточно многогранна и выходит за рамки простого перепрофилирования уже имеющихся мощностей. Оборонные предприятия, исторически зависевшие от прямых бюджетных инъекций, в рамках конверсии производства начинают генерировать рыночный доход. Расширение ассортимента выпуска продукции за счет высокотехнологичных товаров гражданского направления, например, телекоммуникационное, медицинское оборудование и электроника, позволяет оборонным предприятиям изменить свой статус. В подобном случае указанные предприятия превращаются из чистых реципиентов бюджета в его полноценных доноров и начинают платить налоги не только с прибыли, но и с объемов добавленной стоимости, что создает новые устойчивые финансовые потоки в государственный бюджет. Таким образом, данный механизм позволяет частично компенсировать бюджетные потери от сокращения инвестиций в социально-экономические сферы.

ОПК традиционно является точкой концентрации передовых исследовательских активов и технологических компетенций страны. Выполнение государственного оборонного заказа в рамках СВО привело к практически 100% загрузке мощностей и интенсификации НИОКР на момент 2023 г.⁹ Данный процесс хоть и мотивирован текущими геополитическими потребностями, создает мощный задел для будущих технологических решений. Разработанные композитные материалы, средства связи, системы навигации и элементы радиоэлектроники для нужд ОПК являются готовыми прототипами для гражданского применения. Одним из примеров успешного технологического трансфера послужил международный форум Армия-2024, на котором «Рособоронэкспорт» представил иностранным партнерам более 700 образцов продукции военного, двойного и гражданского назначения, что наглядно продемонстрировало универсальность создаваемых товаров и экспортный потенциал¹⁰.

В настоящий момент ОПК функционирует не как изолированный сектор, а в роли системообразующего ядра достаточно обширного кооперационного кластера. Высокая операционная загрузка ОПК генерирует устойчивый воспроизводственный спрос, который распространяется по смежным производственным цепочкам. В данном случае порождаемый мультипликационный эффект находит свое отражение в стимулировании металлургической отрасли посредством заказов на сталь и цветные металлы, активизации химической промышленности за счет потребности в композитах, реактивах и полимерах, а также в развитии радиоэлектроники, для которой ОПК формирует спрос на отечественные процессоры и микросхемы. Примечательно, что даже в условиях доминирования гособоронзаказа параллельно формируется внушительный коммерческий контур: согласно заявлению главы Ростеха, объем гражданской продукции госкорпорации в первом полугодии 2025 г. достиг

⁹ Мантуров оценил выполнение гособоронзаказа предприятиями ОПК почти в 100% // Известия. URL: <https://iz.ru/1526898/2023-06-11/manturov-otcenil-vypolnenie-gosoboronzakaza-predpriatiiami-opk-pochti-v-100>

¹⁰ «Рособоронэкспорт» представляет на «Армии-2024» актуальное на мировом рынке оружие // ГК Ростех. URL: <https://rostec.ru/media/news/laquo-rosoboroneksport-raquo-predstavlyaet-na-nbsp-laquo-armii-2024-raquo-aktualnoe-na-nbsp-mirovom-/#start>

1 трлн руб., что свидетельствует о непосредственном вкладе конверсионных процессов в диверсификацию экономики¹¹.

Ключевой особенностью процесса конверсии является его принципиальная обратимость. Соответственно, в случае усугубления геополитической обстановки возможна и реконверсия – возврат части мощностей к производству продукции военного назначения, но уже на принципиально новой технологической базе, апробированной в гражданском секторе, что обеспечивает экономике повышенную адаптивность и снижает риски простаивания производственных мощностей в посткризисный период. Более того, согласно заявлению Президента РФ В.В. Путина в ходе ПМЭФ-2025, модернизация ОПК, направленная на повышение его технологичности, гибкости и экономической эффективности, является одним из пяти ключевых векторов трансформации всей экономики¹². Таким образом, интеграция ОПК в общеэкономическую систему рассматривается не как изолированный приоритет, а как драйвер выполнения других стратегических задач в рамках изменения рынка труда, структуры потребления и увеличения ненефтегазового экспорта и частичной компенсации структурных дисбалансов федерального бюджета за счет будущих налоговых поступлений.

Система внешнеэкономических обязательств РФ формирует дополнительный канал оттока ресурсов федерального бюджета, что усугубляет и без того сложную структуру расходной составляющей. Структура данных обязательств, в свою очередь, включает в себя три ключевых составляющих: официальные межгосударственные и экспортные кредиты, членство в международных финансовых организациях, а также обслуживание госдолга и предоставление гарантий по внешним проектам. Согласно проекту федерального бюджета РФ на 2026–2028 гг., совокупный объем новых кредитов иностранным государствам составит около 1,8 трлн руб., что на 14% больше показателей предыдущего бюджетного цикла¹³. Параллельно с этим проект предусматривает поступления от погашения ранее выданных займов в размере 708 млрд руб. за трехлетний период. Соотношение объема новых выдач и возвратов, составляющее 39%, формирует устойчивый отрицательный баланс финансовых потоков, а значит, чистый отток капитала из федерального бюджета РФ.

С позиции макроэкономической логики межгосударственное кредитование в подобных масштабах оправдано лишь только при соблюдении двух ключевых условий: приемлемого уровня возвратности и наличия существенного мультипликативного эффекта для национальной экономики. В текущих условиях для РФ эти предпосылки реализуются лишь частично, поскольку значительная часть новых кредитов, как показывает анализ портфеля, предоставляется юрисдикциям с ограниченной платежеспособностью и высокими политическими рисками (Белоруссия, Бангладеш, Индия, Египет и пр.). Длительные сроки погашения и льготный характер таких займов фактически превращают их в форму адресного субсидирования, а не коммерческих инвестиций. Таким образом, сформировавшаяся структура внешнеэкономических активов РФ представляет собой сложный симбиоз фискальных и геополитических мотивов, в котором экономика не выступает приоритетным направлением.

На практике формируется ситуация, при которой РФ выступает в роли донора и направляет значительные ресурсы в пользу экономик стран-партнеров, как правило, уступающих по

¹¹ «Ростех» реализовал гражданской продукции на 1 трлн руб. в первом полугодии // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7976120>

¹² Новая экономика России. О чем говорил Владимир Путин на заседании ПМЭФ // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2025/06/22/novaia-ekonomika-rossii.html>

¹³ Долги родине: Россия нарастит выдачи кредитов другим странам до 1,8 трлн // Известия. URL: <https://iz.ru/1976530/milana-gadzhieva/dolgi-rodine-rossiya-narastit-vydachi-kreditov-drugim-stranam-do-1-8-trln>

уровню развития. Такие вложения оправдываются необходимостью поддержания политического диалога и обеспечения экономического присутствия в Азии, Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке [15], что укладывается в логику российской инициативы Большого Евразийского партнерства¹⁴. Однако, по сути, данные вложения оказываются трансфертными, а не инвестиционными, поскольку их отдача носит преимущественно геополитический, а не финансово-экономический характер. Указанная модель бюджетного планирования ведет к тому, что внешнеполитическая экспансия осуществляется за счет перераспределения внутренних государственных потоков, что усиливает фискальное давление на национальную экономику [16]. При этом данная политика сопровождается и скрытой прагматической составляющей. В условиях усиления санкционных ограничений и ограниченного доступа к международным расчетам часть дружественных стран фактически выполняет функцию финансовых посредников, обеспечивающих обход ограничений и сохранение каналов трансграничных платежей для российского бизнеса. Таким образом, внешнеэкономические кредиты РФ, выступающие инструментом поддержания внешнеторговой активности в условиях изоляции от мировых финансовых рынков, одновременно сопровождаются системной уязвимостью, которая проявляется в зависимости от политической лояльности стран-посредников и риска расширения режима вторичных санкций, активно продвигаемого США.

После начала СВО масштаб вторичных санкций США против иностранных компаний, взаимодействующих с РФ, значительно увеличился: по состоянию на II кв. 2024 г. зафиксировано 511 случаев применения рестриктивных мер против юридических лиц из 57 стран¹⁵. Значительная часть ограничений приходится на компании из КНР (107 случаев), ОАЭ (75), Турции (66) и Кипра (52), являющиеся ключевыми юрисдикциями для параллельного импорта и расчетов. Соответственно, расширение российской системы внешнеэкономических обязательств одновременно усиливает зависимость страны от политических решений третьих стран и создает новый внешний барьер, ограничивающий устойчивость международных расчетов и повышающий вероятность сжатия внешнеэкономического взаимодействия даже в дружественном контуре.

С позиции внутренней бюджетной логики наращивание объемов внешнеэкономических активов в условиях дефицита и усиления фискального бремени достаточно противоречиво. Каждый рубль, направленный за рубеж, представляет собой недоиспользованный потенциал для инвестиций во внутреннее развитие – человеческий капитал, инфраструктуру или инновации. Дефицит бюджета, сложившийся по итогам 2024 г. в размере 3,5 трлн руб., при достаточно волатильных нефтегазовых поступлениях усиливает нагрузку на внутренние источники, что формирует эффект фискального вытеснения, при котором долгосрочные макроэкономические приоритеты уступают внешнеполитическим целям¹⁶.

Таким образом, на современном этапе бюджетная политика РФ формируется под воздействием экономических и геополитических факторов, где задачи обеспечения макроэкономической устойчивости тесно связаны с необходимостью поддержания внешнеполитического влияния. С одной стороны, расширение фискальной консолидации и усиление нало-

¹⁴ Об инициативе Большого Евразийского партнерства // Министерство иностранных дел РФ.
URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/2062732/

¹⁵ Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа // РСМД.
URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vtorichnye-sanktsii-ssha-na-rossiyskom-napravlenii-opyt-empiricheskogo-analiza/?sphrase_id=164189748

¹⁶ Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за 2024 год // Министерство финансов РФ.
URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39570-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzhet_a_2024_god

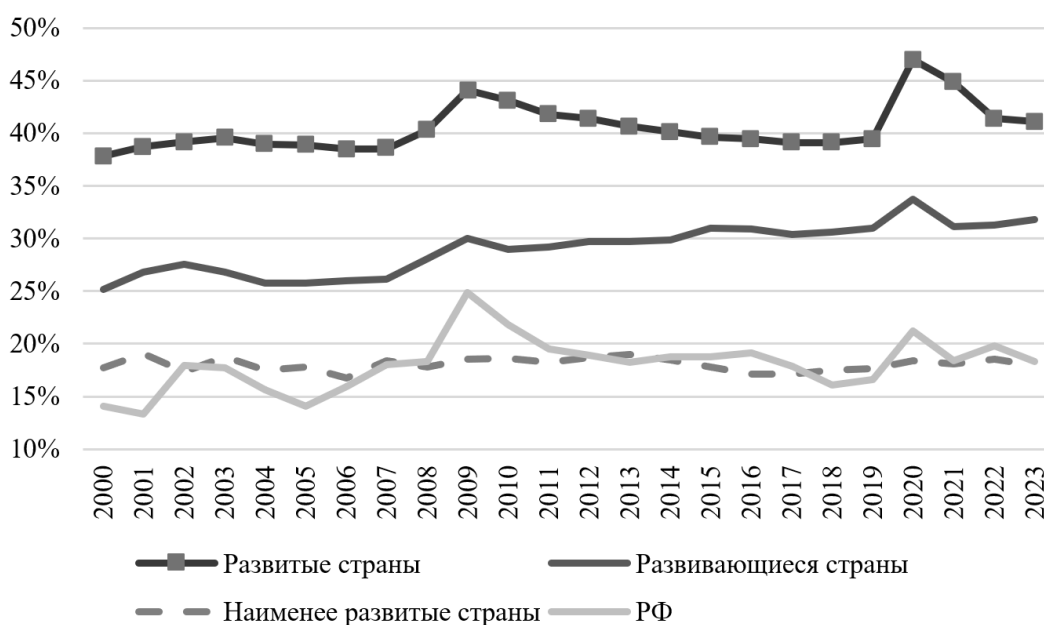
говой нагрузки позволяет компенсировать сокращение экспортных поступлений и стабилизировать внутренние источники доходов. С другой – расширение системы внешнеэкономических обязательств и опора на кредитную поддержку дружественных стран создает дополнительное давление на расходную составляющую федерального бюджета и усиливает зависимость от внешнеполитических обстоятельств. В результате бюджетная политика РФ сталкивается с пересечением двух вызовов – необходимостью сохранять финансовую устойчивость при одновременном выполнении внешнеполитических задач, что требует соблюдения баланса между стратегической автономией и экономической целесообразностью.

Рисунок 1

Государственные расходы (2000–2023 гг.), % от ВВП

Figure 1

Government spending (2000–2023), percentage of GDP

Источник: авторская разработка по данным IMF.

URL: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2025/10/07/fiscal-monitor-october-2025>

Source: Authoring, based on IMF data.

URL: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2025/10/07/fiscal-monitor-october-2025>

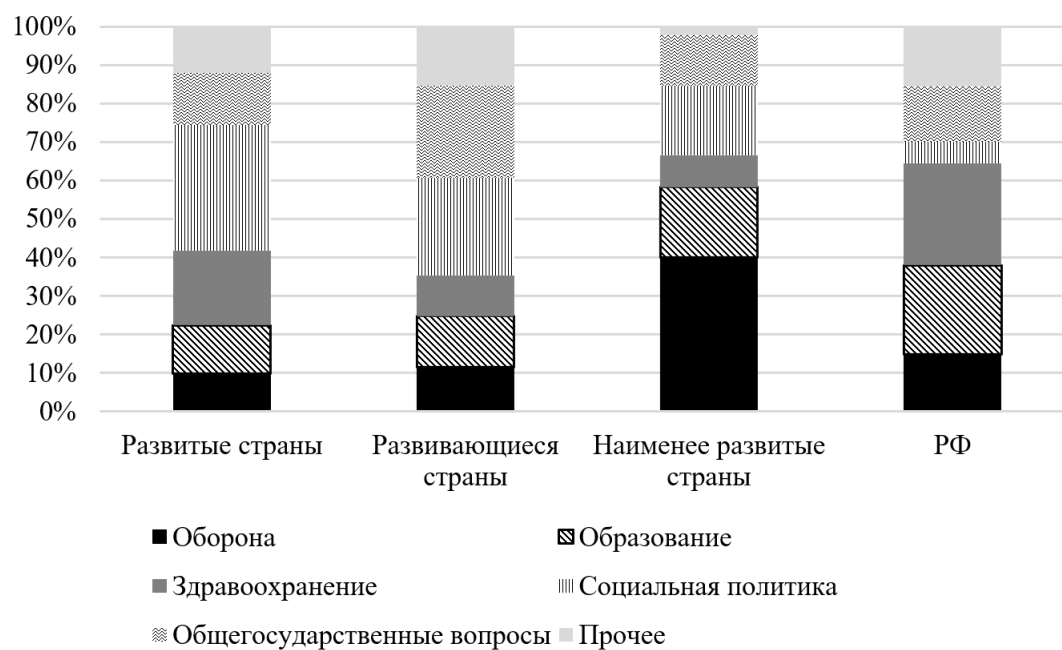
Рисунок 2**Распределение государственных расходов в странах мира (2010–2021 гг.), %****Figure 2****Distribution of government spending in countries of the world (2010–2021), percentage***Источник:* авторская разработка по данным IMF.URL: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2025/10/07/fiscal-monitor-october-2025>*Source:* Authoring, based on IMF data.URL: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2025/10/07/fiscal-monitor-october-2025>

Рисунок 3**Распределение расходов федерального бюджета РФ в 2026 г., %****Figure 3****Distribution of the federal budget expenditures of the Russian Federation in 2026, percentage**

Источник: авторская разработка по данным Ведомостей.

URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/10/22/1144107-osnovnie-parametri-byudzheta>

Source: Authoring, based on Vedomosti data.

URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/10/22/1144107-osnovnie-parametri-byudzheta>

Список литературы

1. Спартак А.Н., Чеклина Т.Н. Торгово-экономическое сотрудничество России со странами Европы до и после начала специальной военной операции // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 2. С. 8–46.
DOI: 10.24412/2072-8042-2023-2-8-46 EDN: IFNXRE
2. Алтухов А.О., Бутенко Н.А., Гаврилова Ю.В. и др. Внешняя торговля России в условиях санкций. М.: Инфра-М, 2025. 238 с. DOI: 10.12737/2157182 EDN: WNCVAK
3. Ператинская Д.А. Анализ влияния конъюнктуры мирового рынка на ценообразование экспортной продукции нефтегазового сектора РФ // Экономика и предпринимательство. 2025. № 10. С. 435–440. DOI: 10.34925/EIP.2025.183.10.069 EDN: WXGENX
4. Колесникова Е.Н. Анализ структуры и динамики собираемости налога на добавленную стоимость в 2024 году // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 2-2. С. 127–130. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-2-2-127-130 EDN: BUFAAI
5. Пронина Л.И. Налоговая реформа 2025 года – фактор повышения доходов федерального бюджета и роста экономического потенциала России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 1. № 1. С. 179–194.
DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.01.019 EDN: PFBIJF

6. Зотиков Н.З. Налог на добавленную стоимость при упрощенной системе налогообложения: последствия для бизнеса и бюджета // Вестник университета. 2025. № 1. С. 201–211. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-1-201-211 EDN: RWBNPC
7. Мухорчева Е.Е. Зависимость доходности государственных облигаций Российской Федерации от ключевой ставки Банка России // Бизнес и общество. 2024. № 1. EDN: RTRUYF
8. Дружинин Н.Л., Попова М.И., Марьяненко В.П. Повышенная ключевая ставка как фактор принятия инвестиционных и финансовых решений // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 4-3. С. 401–407. DOI: 10.17513/vaael.3438 EDN: HAXPQW
9. Сидорова Е.А. Бюджетная политика как отражение социально-экономических проблем современной России // Россия и современный мир. 2011. № 3. С. 85–98. EDN: OEYHWN
10. Крайнова А.И., Попова Н.И. Анализ распределения расходов федерального бюджета // Учет, анализ и аудит: проблемы теории и практики. 2024. № 32. С. 76–79. EDN: YMNOXY
11. Нарышкин А.А. Альтернативные экономические отношения в условиях санкций // Современная Европа. 2023. № 5. С. 96–104. DOI: 10.31857/S020170832305008X EDN: YACEFB
12. Зорина М.А., Давидян Ю.И. Влияние социальных расходов бюджета на благосостояния населения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12-3. С. 415–422. DOI: 10.17513/vaael.3936 EDN: ENXKUB
13. Синявский Н.Г., Авдийский В.И. Анализ и прогнозирование военных расходов в целях обеспечения национальной безопасности: глобальные и региональные аспекты // Вестник Евразийской науки. 2024. Т. 16. № 4. EDN: UYLBXV
14. Бердыев М.В. Мир до и после: большое евразийское партнерство как катализатор эпохальных перемен // Евразийский диалог. 2024. № 2. С. 4–9. EDN: UTJNTD
15. Зельский А.Г., Рожков Р.С., Васюкова Ю.С., Мошкин А.С. Макроэкономические последствия оборонных ассигнований: оптимизация соотношения стратегической безопасности и устойчивого развития государства // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17. № 54. EDN: JIQWBI
16. Ложечко А.С. Анализ практики предоставления бюджетных кредитов в Российской Федерации // Финансовая жизнь. 2023. № 4. С. 70–74. EDN: BWPJNY

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

RUSSIA'S BUDGETARY POLICY IN THE CONTEXT OF FISCAL CONSOLIDATION, EXPENDITURE MOBILIZATION, AND FOREIGN ECONOMIC OBLIGATIONS

DOI: <https://doi.org/10.24891/gopdgg>EDN: <https://elibrary.ru/gopdgg>**Dar'ya A. PERATINSKAYA**

Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russian Federation

e-mail: peratinskayad@gmail.com

ORCID: 0009-0007-0201-5475

Article history:

Article No. 97/2026

Received 2 Feb 2026

Accepted 20 Feb 2026

Available online

29 Jun 2026

JEL Classification: F14,
H87, O2**Keywords:** Russia,
public finance, federal
budget, expenditures,
foreign economic
obligations**Abstract****Subject.** The transformation of Russia's budget policy under the impact of external economic shocks, sanctions pressure, and structural shifts in foreign trade.**Objectives.** The study seeks to identify the mechanisms by which Russia's budget policy adapts to the new conditions, determine the factors influencing the reallocation of revenue and spending priorities, and analyze the fiscal risks arising from changes in the export structure, the mobilization-driven shift in spending, and the growth of external economic obligations.**Methods.** The research applies a set of methods, including structural and retrospective analysis, systemic approach techniques, and comparative analysis. It also draws on analytical methods, economic interpretation, and synthesis.**Results.** The findings show that in 2022–2025, the Russian budget system underwent an adaptation phase in response to external constraints. These constraints manifested as a decline in the share of oil and gas revenues and a sharp rise in domestic taxes, particularly the value-added tax (VAT). The structure of public spending has shifted towards administrative and defense objectives, while total investment in human capital remains below one-quarter of overall allocations. The study further demonstrates that the system of external economic obligations generates a negative balance, which increases the burden on the fiscal system and necessitates stricter prioritization of spending policies.**Conclusions.** Russia's budget policy is shaped at the intersection of two opposing vectors: fiscal consolidation and mobilization-driven spending expansion. This situation calls for a balance between domestic economic priorities and foreign policy objectives. Under conditions of declining export revenues, rising geopolitical tensions, and growing external economic obligations, the stability of the budget system is determined by the effectiveness of tax modernization, the economy's ability to adapt to a decline in commodity rents, and the development of a more rational architecture of international financial relations.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2026

Please cite this article as: Peratinskaya D.A. Russia's budgetary policy in the context of fiscal consolidation, expenditure mobilization, and foreign economic obligations. *Finance and Credit*, 2026, iss. 6, pp. 212–227. DOI: 10.24891/gopdgg EDN: GOPDGG

References

1. Spartak A.N., Cheklina T.N. [Russia's trade and economic cooperation with Europe before and after the start of the special military operation]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2023, no. 2, pp. 8–46. (In Russ.) DOI: 10.24412/2072-8042-2023-2-8-46 EDN: IFNXRE
2. Altukhov A.O., Butenko N.A., Gavrilova Yu.V. et al. [Russia's foreign trade under sanctions]. *Vneshnyaya trgovlya Rossii v usloviyakh sanktsii*, Moscow, Infra-M Publ., 2025, 238 p. (In Russ.) DOI: 10.12737/2157182 ISBN: 978-5-16-020074-3 EDN: WNCVAK
3. Peratinskaya D.A. [Analysis of the impact of global market conditions on the pricing of Russian oil and gas export products]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2025, no. 10, pp. 435–440. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2025.183.10.069 EDN: WXGENX
4. Kolesnikova E.N. [Analysis of the structure and dynamics of value added tax collection in 2024]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2025, no. 2-2, pp. 127–130. (In Russ.) DOI: 10.24412/2411-0450-2025-2-2-127-130 EDN: BUFAAI
5. Pronina L.I. [The tax reform of 2025 is a factor in increasing federal budget revenues and increasing Russia's economic potential]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2025, vol. 1, no. 1, pp. 179–194. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.01.019 EDN: PFBIFJF
6. Zotikov N.Z. [Value added tax under the simplified taxation system: Consequences for business and budget]. *Vestnik universiteta*, 2025, no. 1, pp. 201–211. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2025-1-201-211 EDN: RWBHPC
7. Mukhorchyova E.E. [Dependence of the yield of government bonds of the Russian Federation on the key rate of the Bank of Russia]. *Biznes i obshchestvo*, 2024, no. 1. (In Russ.) EDN: RTRUYF
8. Druzhinin N.L., Popova M.I., Maryanenko V.P. [Increased key rate as a factor in investment and financial decisions]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2024, no. 4-3, pp. 401–407. (In Russ.) DOI: 10.17513/vaael.3438 EDN: HAXPQW
9. Sidorova E.A. [Budget policy as a reflection of social and economic problems in nowadays Russia]. *Rossiya i sovremennyyi mir*, 2011, no. 3, pp. 85–98. (In Russ.) EDN: OEYHWN
10. Kraynova A.I., Popova N.I. [Analysis of the distribution of federal budget expenditures]. *Uchet, analiz i audit: problemy teorii i praktiki*, 2024, no. 32, pp. 76–79. (In Russ.) EDN: YMHOXY
11. Naryshkin A.A. [Alternative economic relations under sanctions]. *Sovremennaya Evropa*, 2023, no. 5, pp. 96–104. (In Russ.) DOI: 10.31857/S020170832305008X EDN: YACEFB
12. Zorina M.A., Davidyan Yu.I. [Impact of social budget expenditures for the welfare of the population]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2024, no. 12-3, pp. 415–422. (In Russ.) DOI: 10.17513/vaael.3936 EDN: ENXKUB
13. Sinyavskiy N.G., Avdiyskiy V.I. [Analysis of military expenditures: Global and regional aspects]. *Vestnik Evraziyskoi nauki*, 2024, vol. 16, no. 4. (In Russ.) EDN: UYLBXV
14. Berdyev M.V. [The world before and after: The greater Eurasian partnership as a catalyst for epochal change]. *Evrasiiskii dialog*, 2024, no. 2, pp. 4–9. (In Russ.) EDN: UTJNTD

15. Zel'skiy A.G., Rozhkov R.S., Vasyukova Yu.S., Moshkin A.S. [Macroeconomic consequences of defense appropriations: Optimization of the ratio of strategic security and sustainable development of the state]. *Vestnik Evraziyskoi nauki*, 2025, vol. 17, no. S4. (In Russ.) EDN: JIQWBI
16. Lozhechko A.S. [Analysis of the practice of providing budget loans in the Russian Federation]. *Finansovaya zhizn'*, 2023, no. 4, pp. 70–74. (In Russ.) EDN: BWPJNY

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.